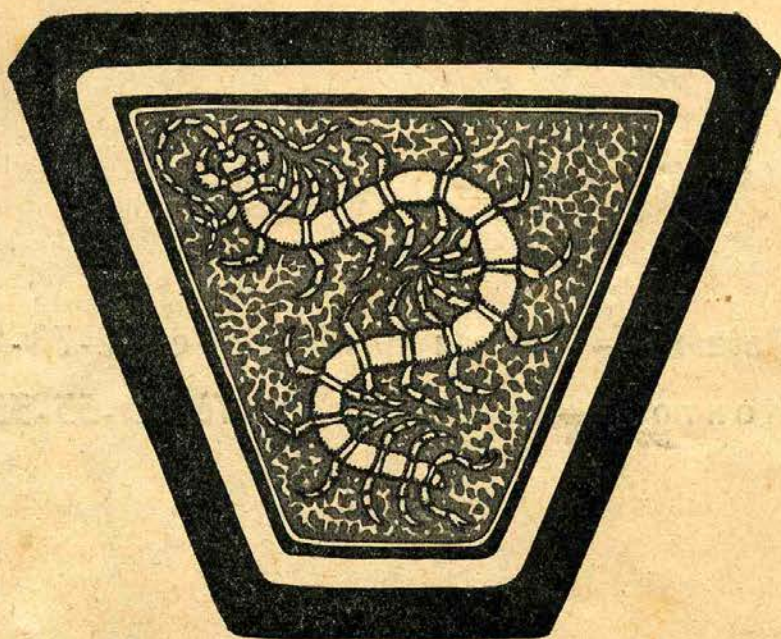

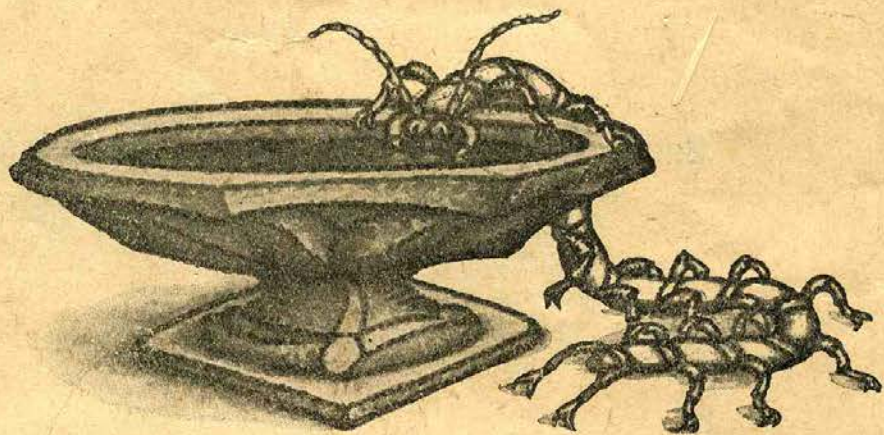
1918

1

СОРОКОНОЖКА

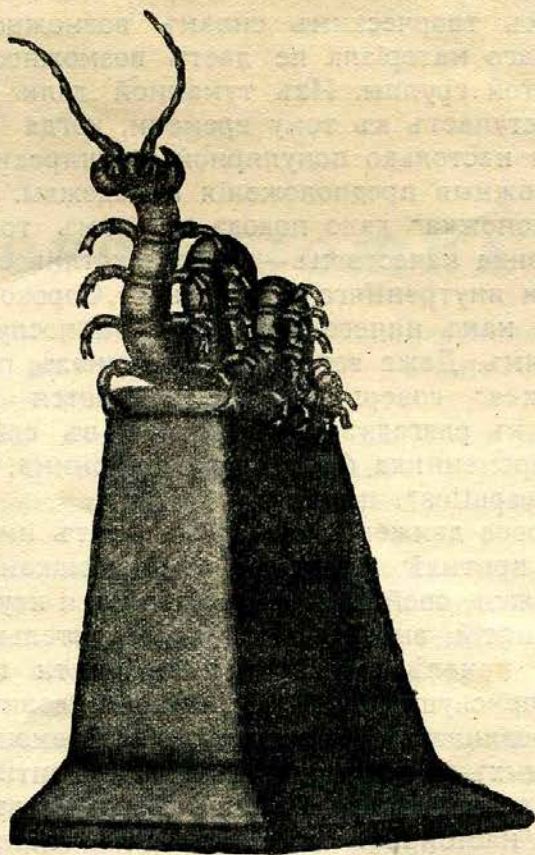
АЛЕКСАНДРЪ ЛЕНСКІЙ.

ЦѢНА 2 р. 00 к.
на ст. ж. д. 2 р. 25 к.

Редакція—Тверская 29 кв. 30. Тел. 2-78-64

Контора—Тверская 19. Тел. 3-53-35

Отрывокъ изъ учебника Всеобщей Исторіи

...Итакъ мы снова подошли къ такому явленію, передъ которымъ историкъ въ логическомъ ходѣ своего изслѣдованія безпомощно опускаетъ руки,—явленію, которое настолько выходитъ изъ рамокъ общей картины этой эпохи, что подойти къ нему можно лишь интуитивно, реконструируя психическую подкладку этого времени.

„И гора родила Сороконожку“. Вотъ — крылатая слова, которыя мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ въ мемуарахъ и хроникахъ того времени.

Постараемся (руководимые послѣдними изслѣдованіями) пролить немного свѣта на таинственное происхожденіе и существованіе „Сороконожки“.

Объ этомъ обществѣ или (какъ оно называется въ одной официальной бумагѣ, найденной въ историческомъ архивѣ въ Москвѣ)—орденѣ—вообще много писалось, но мало что могло выяснитъ его сущность. Сразу опровергая, долго державшійся слухъ о принадлежности „Сороконожки“ къ франкмасонамъ, мы можемъ утверждать, что этотъ орденъ посвятилъ себя исключительно искусству.

Мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, какъ въ эти смутные годы все больше и больше брала верхъ сила, обузданію которой самые лучшіе сердца и умы человѣчества посвящали свою дѣятельность, иногда свою жизнь. Этой силой была ненависть. Перелистывая человѣческіе документы того времени, мы не можемъ не видѣть, какъ бурно управляла ненависть населеніемъ нашей планеты въ тѣ беспощадные дни. Національная и классовая вражда дали свои ядовитые плоды, и даже тѣ свободные умы, которые должны были стоять выше толпы, втянулись въ шумъ дня и запятнали свое высокое званіе вождей. Но самое печальное явленіе было то, что эти страсти проникли въ науку и даже въ область, которой онѣ совершенно чужды—въ искусство.

Какъ разъ въ это время въ Москвѣ образовалась группа молодыхъ художниковъ, писателей и артистовъ, чтобы служить искусству, не обращая вниманія

на шумъ будней. Ихъ стремленіе было: отойти отъ ненависти къ людямъ и къ свѣту и дать своимъ творческимъ силамъ возможность свободного полета. Скудность фактическаго матеріала не даетъ возможности опредѣлить, каковы были первые шаги этой группы. Изъ туманной дали невѣдомаго на свѣтлое лоно исторіи она выступаетъ къ тому времени, когда подъ названіемъ „Сороконожка“ становится настолько популярной въ широкихъ кругахъ, что съ нею связываются всевозможныя предположенія и надежды.

Название „Сороконожка“ дало поводъ многимъ толкамъ. Отличаясь прискорбнымъ для историка качествомъ—несловоохотливостью во всемъ, что касалось происхожденія и внутренняго содержанія „Сороконожки“, члены или рыцари ея не оставили намъ ничего, что могло бы послужить руководствомъ къ нашимъ изслѣдованіямъ. Даже вопросъ о причинахъ, по которымъ они приняли название „Сороконожка“ совершенно не поддается историческому анализу. Быть можетъ ключъ къ разгадкѣ можно найти въ слѣдующей выдержкѣ изъ мемуаровъ одного современника, французскаго анонима, который подъ заглавіемъ „A l'histoire des millespattes“, пишетъ:

„Какъ всякое новое движеніе, они (рѣчь идетъ именно о „Сороконожкѣ“) подверглись суровой критикѣ, сплетнямъ и насмѣшкамъ. Многоликость и неуловимость Сороконожки, свойства интриговавшія и неукладывавшіяся въ рамки общепризнанныхъ понятій, вызвали часто презрительное и враждебное отношеніе къ ней. И въ началѣ эти художники почти потеряли свою наивную непосредственность, прислушиваясь къ шептанію ядовитыхъ языковъ и стараясь уловить долю справедливости въ упрекахъ современниковъ. Беспомощность этихъ непосредственныхъ душъ передъ холодной критикой нашла себѣ очень подходящее выраженіе въ сатирѣ „Сороконожка“, которая въ это время появилась. И какъ всякая настоящая сатира обладаетъ цѣлительной силой, такъ и эта, была полезнымъ указаніемъ для этихъ художниковъ и, вновь поднявшись изъ смѣлаго протеста, назвавшись „Сороконожкой“, они рѣшили больше не обращать вниманія на шумъ улицы и отдаться исключительно сознательно—безсознательному служенію своему невидимому храму“.

Всецѣло присоединяясь къ этой гипотезѣ, мы думаемъ, что такъ образовались концерты „Сороконожки“, о которыхъ упоминаютъ историки искусства начала 20-го вѣка,— и такъ возникъ, по всей вѣроятности, журналъ „Сороконожка“, цѣль котораго была, поставить искусство опять къ услугамъ искусства и выстроить мостъ между своимъ временемъ и тѣмъ днемъ, когда свяую тишину искусства прервали хриплые пѣсни ненависти.

И мы вѣримъ, что когда злые языки тогда говорили „И гора родила Сороконожку“—то „Сороконожка“ принимала эти слова гордо и серьезно и чувствовала отвѣтственность за такое происхожденіе...

СОРОКОНОЖКА

Однажды въ собраніи „Общества челоѡконенавистниковъ“ заяцъ изрекъ такой афоризмъ: самое важное это ноги!—Этому страшно обрадовалась Сороконожка и съ того дня ждала, что ей поднесутъ корону царства животныхъ. Вокругъ нея образовалась даже своего рода династическая партія, —самымъ отчаяннымъ врагомъ которой оказалась лягушка,—вѣдь она знала, что самое важное—ротъ—и въ появленіи Сороконожки у власти предвидѣла свою голодную смерть.

Разъ Сороконожка въ своемъ кругу отозвалась о лягушкѣ такъ: „—Это чортъ знаетъ что за существо! Сама не знаетъ, для чего Господь далъ ей ноги. Не то плаваетъ какъ рыба, не то прыгаетъ какъ блоха, не то ползаетъ какъ змѣя, не то ходитъ какъ кенгуру! Вѣтренница, вѣтренница, —никакого толка отъ нея не добьешься, —чортъ ее побери!“

Лягушкѣ этотъ отзывъ передала, конечно, бабочка; лягушка молча съ выпученными глазами выслушала бабочку, и, хотя у нея былъ весьма флегматичный темпераментъ, она все же на этотъ разъ ужасно разсердилась. — Въ самомъ дѣлѣ, что это за подлость, называть вѣтренностью эту поразительную многосторонность которой лягушка гордилась, всю свою жизнь. Вѣдь помилуйте— всегда готова къ услугамъ— и такъ и эдакъ— какъ угодно-съ!

И долго сидѣла лягушка неподвижно въ своемъ болотѣ и думала, думала. Жажда жесточайшаго отмщенія поднялась въ ея душѣ. Три дня и три ночи сидѣла она неподвижно и думала. Жирнѣйшія мухи и комары пролетали мимо ея злобно сжатаго рта, она даже не обращала на нихъ вниманія. Пристально глядѣли ея глаза въ темную даль, и тотъ, кто увидѣлъ бы ее въ эти дни, сразу почувствовалъ бы, что худое у нея на умѣ.

Наконецъ, на четвертый день, она вылѣзла изъ болота, и ея широкій ротъ искривился вдругъ въ ту проклятую усмѣшку, съ которой Макиавелли смѣялся надъ своими жертвами.

А на другой день Сороконожка получила слѣдующее письмо.

„Ваше Превосходительство!

„Простите покорнѣйшую просьбу, съ которой къ Вамъ обращается нижеподписавшаяся ничтожность. Меня давно уже мучаетъ одинъ вопросъ, отвѣтъ на который можетъ дать только Ваше Превосходительство. И въ виду того огромнаго воспитательнаго и просвѣтительнаго значенія, которое этотъ отвѣтъ имѣетъ для всего животнаго міра, я надѣюсь, что Ваше Превосходительство не откажетъ мнѣ въ немъ.

„Будьте столь великодушны и объясните намъ, благодаря какимъ сверхживотнымъ качествамъ, Вамъ удается держать въ такомъ блестящемъ порядкѣ

рис. Л. Никитина.

Ваши безчисленные и величественные конечности. Не поддается пониманию как мозга одного земного существа хватается на такую огромную работу! Каким чудом Вам известно, что делает, например (только например, Ваше Превосходительство!) Ваша 27-ая ножка, когда Вы двигаете вперед Вашу 1-ую? А в каком состоянии находится Ваша 8-ая ножка, когда Вы для решительного шага продвигаете Вашу 17-ую? Какія обязанности Вашей 36-ой и 19-ой, когда Вы, уставъ, останавливаетесь на 3-ей и 22-ой? А если заболѣтъ 36-ая ножка, страдают ли отъ этого и 6-ая, 16-ая и 26-ая? Считаются ли 1, 3, 5, 7, 9-ая и т. д. по одной, а 2, 4, 6, 8-ая и т. д. по другой сторонѣ Вашего Превосходительства? Или есть еще другой гениальный способ ихъ распредѣленія? И неужели Вы никогда не забываете движеній ни единой ноги и даже, если спѣшите, бѣгаете, — даже когда Вы *бѣгаете??* Вотъ этого я никакъ понять не могу, и жду отвѣта Вашего, съ нетерпѣніемъ жду, Ваше Превосходительство!—Еще разъ прошу простить мою смѣлость.

Глубоковосхищающаяся Вами Лягушка“.

P.S. Правда ли, что Вы двигаете 13-ой и 14-ой ногой всегда сразу, изъ—простите—суевѣрія?

Вотъ, это самое письмо прочла Сороконожка и тутъ то случилось нѣчто ужасное, о чемъ, навѣрное, еще долго будутъ вспоминать въ царствѣ животныхъ.

Сороконожка спрятала письмо и самодовольная улыбка появилась на ея лицѣ.

— Да вѣдь въ томъ то и суть, — гордо сказала она окружающимъ, — въ томъ то и суть, что это все не такъ просто, а то бы всякій могъ имѣть сорокъ ногъ.

Она выпрямилась.

— Видите, господа: когда я для перваго шага выставляю первую ногу...

— Правую или лѣвую?—спросила бабочка.

— Конечно, правую, — отвѣтила сороконожка, — нѣтъ, — то есть лѣвую, — нѣтъ—ахъ вы меня сбиваете!—значить: если я выставляю, напримеръ, первую правую, то...?

Но тутъ то и случилось. Сороконожка смутилась, какъ то странно начала двигаться, зашаталась какъ пьяная, вдругъ разозлилась, нетерпѣливо стала двигать нѣсколькими ногами сразу и наконецъ—упала.

Она лежала съ испуганнымъ видомъ, глаза ея выражали безумный страхъ.

— Оставьте меня одну, — закричала она, и когда всѣ ушли, она немножко успокоилась и сказала сама себѣ:

— Хладнокровіе! Хладнокровіе тутъ самое главное. Надо разсудить, разумно и логично разсудить.

И она стала разсуждать:

— Значить: если я выставляю 1-ую правую, то—конечно для равновѣсія моментально должна быть на готовѣ 1-ая лѣвая!—

— Но 35-ая?—вдругъ шепнулъ ей какой то внутренній голосъ.

— Тридцать пятая?—

— Да, что 35-ая въ этотъ моментъ дѣлаетъ? Смотри, не забудь 35-ую!!

Все у Сороконожки спуталось и закружилось въ головѣ.

— Тридцать пятая, — бормотала она и опять этотъ безумный испугъ появился на ея лицѣ.—Тридцать пятая конечно...

— А 28 ая? прервалъ ее снова внутренній голосъ.

— Двадцать восьмая??—

— Да, и 16-ая, и 23-ья—и 5-ая—??

— Пятая—?—

— 33-ья—и 79 ая?

— Какъ?! Семьдесятъ девятая? Да развѣ...???

Что въ эту ночь произошло съ сороконожкой никому не извѣстно. На слѣдующее утро ее нашли лежащей на землѣ, со всѣми сорока ногами вытянутыми кверху. У рта ея была бѣлая пѣна и изрѣдка съ совершенно идиотскимъ видомъ она смотрѣла на свои ноги, которыми даже и шевелить больше не могла, и бѣшено кричала:

— Дайте мнѣ логарифмы!!

Въ своемъ болотѣ неподвижно сидитъ лягушка и смѣется тихимъ, широкимъ, дрожащимъ смѣхомъ.

Мирославъ Яроши

рис. Л. Никитина.

VERS LA FLAMME

Изъ чего создалъ Богъ вселенную? — Изъ ничего.

Вначалѣ была тьма, и духъ Божій носился надъ нею. Богъ взялъ тьму и создалъ изъ нея свѣтъ. Онъ взялъ пустоту и сдѣлалъ вещество. И изъ безмолвія сотворилъ звукъ.

Такова краткая схема творчества въ его чистомъ видѣ.

Бездна есть резервуаръ всякаго создаванія, и всѣ источники творчества лежатъ въ ней. Бездна, какъ таковая, съ тремя постоянными атрибутами ея — безмолвіемъ, мракомъ и пустотой. Непосредственно изъ бездны создано все величайшее. И все потерявшее съ ней связь не есть созданіе, но лишь комбинація и подборъ изъ ранѣ созданнаго, болѣе или менѣе привлекательная ложь. Ибо поистинѣ, надо быть тьмою, чтобы родить свѣтъ.

Въ жизни каждаго истиннаго создателя наступаетъ время, когда онъ предастъ уничтоженію все сдѣланное имъ и другими и обращаетъ взоры свои къ первоначальному ничто. Тогда скульпторъ начинаетъ творить изъ пустоты, живописецъ изъ мрака и музыкантъ изъ безмолвія. Такъ возникаетъ все впервые созданное.

Начало 4-ой сонаты Скрябина носитъ явный характеръ только что рожденнаго изъ безмолвія. Здѣсь порвана связь со всѣми другими звуками. Въ противоположность сложнымъ музыкальнымъ комбинаціямъ его предыдущихъ произведеній, здѣсь дѣвственная примитивность, молитвенная и прозрачная чистота. Это начало дыханія, благоговѣйное святое зарожденіе, первое появленіе изъ вѣчнаго молчанія. Три, четыре звука, робко прорвавшіе сонъ беззвучности, — три, четыре свѣта, скользнувшіе въ нѣдрахъ тьмы, — и вдругъ, въ третьемъ тактѣ сонаты, нашедшіе потрясающую гармонію своей единовременности. Здѣсь на самомъ дѣлѣ звуки были созданы впервые въ чистой атмосферѣ благоговѣнія передъ чудомъ перваго возникновенія.

Ученіе Канта о мірозданіи, созданное могуществомъ и проницательностью его воображенія, было подтверждено числовыми комбинаціями Лапласа. И звуковая система Скрябина, къ которой онъ подошелъ интуитивно, работая въ направленіи наиболѣе чистой и обнаженной красоты, нашла себѣ научное обоснованіе и была утверждена цифрами. И я отъ многихъ слышалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это просто обертона. Но это не просто обертона.

Это великая и таинственная религія, основанная на самыхъ священныхъ, самыхъ вѣчныхъ и роковыхъ стремленіяхъ человѣческаго сердца. Это молитвенное, страстное и непрерывное шестіе къ величайшему. Это храмъ новыхъ гармоній и сіяній, воздвигнутый въ нѣдрахъ земного сердца, утвержденный на глыбахъ тьмы среди вѣчнаго безмолвія и непроницаемаго мрака небытія. И то, что наука могла дать здѣсь строгое обоснованіе, указываетъ лишь на то, что въ этомъ творчествѣ не было ничего невѣрнаго и случайнаго и — какъ стихійный путь лавы, проложенный тамъ, гдѣ она хотѣла — оно могло быть изучено въ лупу ученаго.

Содержаніе и форма въ произведеніи истиннаго творчества не только не отдѣлимы другъ отъ друга, но они въ совершенной степени суть одно и то же. Каждый, оперирующій старыми, уже имѣющимися въ исторіи искусства формами,

не оставляетъ въ мірѣ ничего. Это только старьевщикъ, ученый цѣнитель, ювелиръ, подбирающій старые камни для новой броши. Скрябинъ не могъ не создать новыхъ формъ въ искусствѣ, потому что онъ создалъ новыя чувства въ человѣческомъ сердцѣ. И его тревожно обаятельныя гармоніи также истинны, какъ истинно вѣчное взволнованное стремленіе и вѣчная зачарованность его сердца. Но я хотѣлъ бы напомнить многимъ музыкантамъ, что путь къ красотѣ не въ томъ, чтобы писать такъ, какъ писалъ Скрябинъ, а чтобы подобно ему уйти въ свое неизмѣримое одиночество и найти въ немъ силу и мужество сойти къ безднамъ, къ первоначальному источнику безмолвія.

Когда Моисей молился на Синаѣ въ своемъ глубокомъ уединеніи, жрецы поставили народу золотыхъ тельцовъ, и народъ радовался и поклонялся имъ. Такъ, всегда есть поэты, которые, уловивъ желанія и вкусы современниковъ, строятъ храмы и боговъ толпѣ. Но путь генія пролегаетъ по обломкамъ поверженныхъ боговъ и горящихъ храмовъ во тьму. Скрябинъ при всей своей скромности не могъ серьезно признавать другихъ композиторовъ. И это потому, что онъ наполнилъ міръ собою, потому, что онъ вновь создалъ вселенную своими руками.

Разрушеніе всѣхъ ранѣ бывшихъ цѣнностей сопровождаетъ каждый шагъ создающаго. И моментъ, когда онъ вдругъ видитъ себя совершенно одного среди развалинъ цѣлыхъ поверженныхъ культуръ, моментъ, быть можетъ, смертельный для всякаго другого, представляетъ собою для него необходимую и желанную форму счастья. Ибо не только талантъ, или пламенное сердце, но и великій духъ, великое безстрашіе суть постоянные элементы такой души.

Но есть еще нѣчто, безъ чего земля доселѣ оставалась бы безвидной и пустой, и тьма пребывала бы надъ бездной. Это воля къ созданію.

Какъ все великое и вѣчное въ человѣческомъ существѣ, это чувство инстинктивно, неразумно и слѣпо. Можетъ быть это та же воля къ жизни, но только выраженная въ крайне напряженной формѣ, въ той степени напряженія, когда она одинаково могла бы быть названа волей къ смерти. Ибо въ самыхъ глубокихъ слояхъ этого инстинкта лежитъ стремленіе къ возвращенію въ первоначальное лоно бытія, въ центральный горнь еще не дифференцированной животной жизни. И если эта благородная накипь неустанно кипящаго потока, разносящаго жизнь по артеріямъ земли,—въ міровой поэзіи такъ часто называлась священной тоской, то именно потому, что здѣсь необъяснимая печаль сына земли по его древней матери и неудовлетворенный и смутный порывъ къ ней.

Это тоска, которая внезапно въ звѣздную ночь повергаетъ человѣка на землю и прижимаетъ къ ней его обугленные уста.

Это тоска, которая загоняетъ одного въ подземелья и распинаетъ тамъ на крестѣ мрачныхъ экстазовъ, и гонитъ другого изъ Европы въ Африку, и изъ Африки въ Индію и изъ Индіи на Таити. Но оба одинаково безумны одной и той же жаждой претворить въ себѣ землю, или раствориться въ ней, дабы почувствовать въ своемъ сердцѣ ея трепетъ и судороги, и многоголосый и пламенный шумъ ея тысячи сердець.

Это тоска и одиночество индивидуума, духъ котораго обособленъ и ограниченъ кругомъ его индивидуальности, въ то время, какъ воды и камни, лавы и молніи продолжаютъ пребывать въ первичной и единой, безграничной, безотвѣтственной и безошибочной жизни космоса. Но и лавы и камни, и воды и молніи еще говорятъ въ человѣкѣ, всѣ его предки, которые были металлами и цвѣтами, сверчками и гадами говорятъ въ немъ, всѣ его безчисленныя матери, тѣсячелѣтія грезившія любовью, чтобы создать его, продолжаютъ въ немъ свою жизнь и рассказываютъ ему все о томъ же мѣсяцѣ, все о томъ же морѣ и его прибояхъ, все о тѣхъ же зоряхъ и о тѣхъ же грозахъ, обо всѣхъ таинствахъ единого и безначальнаго потока страстной жизни, отъ которой онъ ограниченъ короткой жизнью особи, трепетно отыскивающей свой одинокій путь.

О, это тоска и любовь и безсмертная жажда въ ея первичной необъятной формѣ, быть можетъ еще та, которая заставляетъ планеты непрестанно кру-

житься вокругъ солнца, и нестеть солнце къ далекимъ звѣздамъ по непонятному, непреклонному и огненному пути.

Мечта о Мистеріи, конечная мечта Скрябина, экстагическая греза о сліяніи всѣхъ искусствъ путемъ ихъ претворенія другъ въ другъ, создана все тою же безсмертною тоскою генія, его космическимъ стремленіемъ охватить все.

Я не знаю какими путями шель Скрябинъ къ воплощенію этой титанической идеи, но чудо ея возникновенія уже освѣщало его душу, когда вся работа была внезапно прервана, и огонь похищенный съ неба былъ возвращенъ небу.

Скрябинъ умеръ, и я подумалъ, что ему, можетъ быть, уже нельзя было больше жить на землѣ съ этой тайной духа въ сердцѣ, и, какъ въ старой легендѣ, онъ былъ взятъ живымъ на небо.

И еще я вспомнилъ древнія и наивныя слова Бога, когда Адамъ поѣлъ впервые отъ древа познанія. Тогда Богъ, который въ тѣ времена былъ еще не одинъ, сказалъ: Вотъ адамъ поѣлъ отъ древа познанія добра и зла и сталъ, какъ одинъ изъ насъ. И теперь какъ бы не взялъ онъ также отъ древа жизни, и не вкусилъ, и не сталъ жить вѣчно.—Боги не хотѣли принимать въ свою среду человѣка. И дерзкій путь того, кто сталъ однимъ изъ нихъ, былъ прекращенъ.

Духъ Скрябина, постоянно искавшій новыхъ формъ для своего проявленія, привыкшій къ воплощенію въ эластичной и легкой матеріи звуковъ, не могъ пройти мимо среды еще болѣе чувствительной и подвижной, каковой является свѣтъ. И его послѣдняя симфонія, Прометей, представляетъ собою попытку одновременнаго исполненія творческой мысли въ звукъ и въ свѣтъ.

Однако, въ еще гораздо большей степени свѣтовыми, нежели Прометей, являются его послѣдующія сонаты и поэмы. Здѣсь звуки вспыхиваютъ и глѣбуютъ, идутъ свѣтящимися волнами, сплетаются въ свѣтовые вихри и бичи, играютъ, зблются и гаснутъ во мракѣ.

И среди самыхъ послѣднихъ произведеній его, исполненныхъ раздумія, подготовительнаго испытыванія своихъ силъ и какихъ то таинственныхъ измѣрительныхъ опытовъ, есть одна внезапная поэма, которая названа „Къ пламени“, звуки которой такъ ослѣпительно свѣтоносны, такъ насыщаютъ душу молніями, такъ опасны пронизывающимъ и зовущимъ шумомъ огня, что можетъ быть, на нихъ летѣли бы ночныя бабочки и умирали, коснувшись ихъ. Къ пламени! такъ названа поэма, и это было его послѣднимъ признаніемъ.

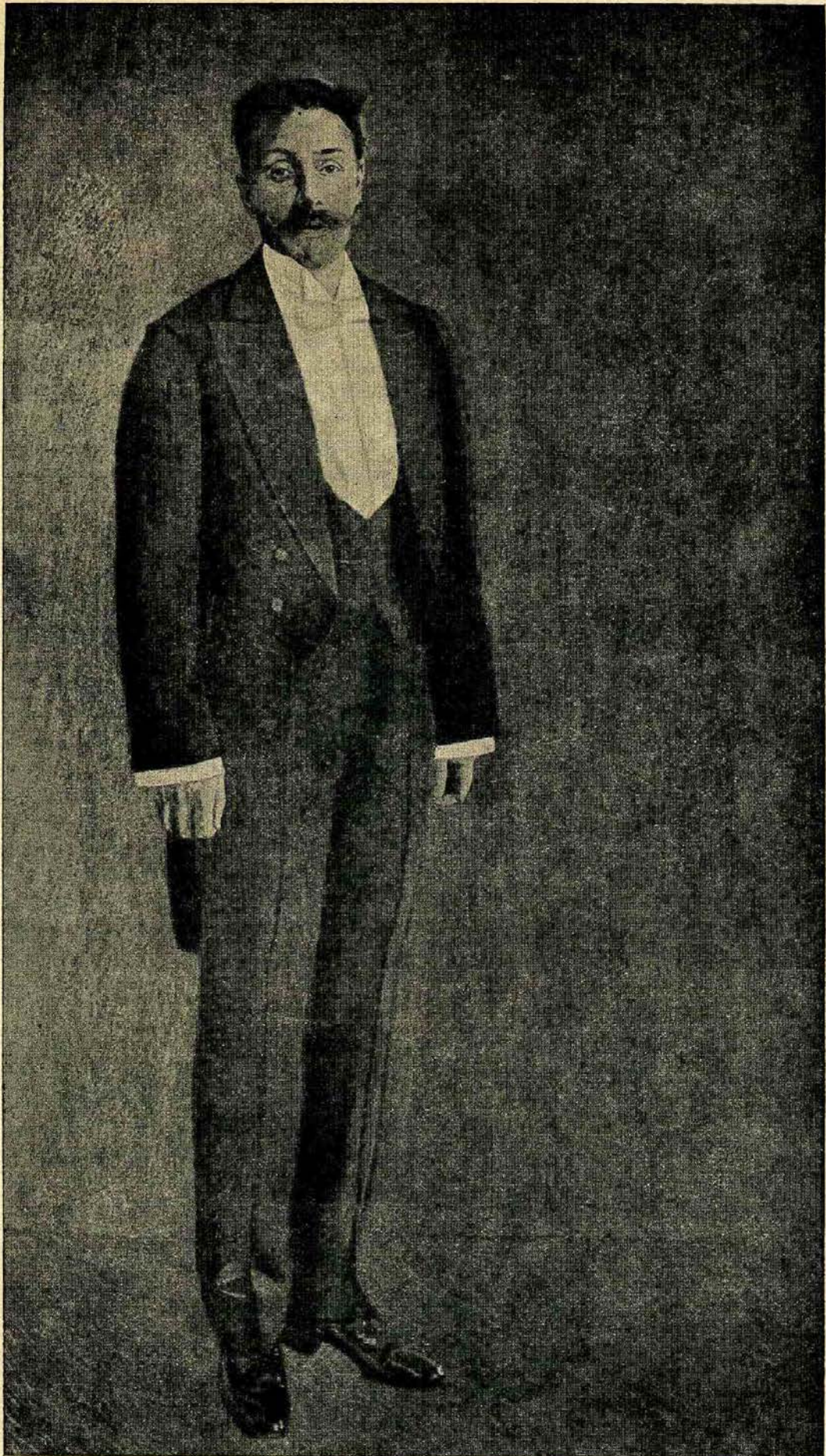
Я жду дня, когда живописецъ оставитъ мертвую краску и возьметъ въ свои ладони свѣтъ, когда скульпторъ смоетъ съ рукъ своихъ глину и протянетъ ихъ къ кристалламъ и лавамъ и горамъ земли, когда музыкантъ, отложивъ скрипку, ляжетъ надъ безднами, замороженный гуломъ, ропотомъ и зовами тьмы. И, можетъ быть, тогда—въ экстагическихъ взрывахъ свѣта и въ дремотныхъ колыбельныхъ фосфоресцирующихъ озеръ, въ аккордахъ, подобныхъ рушенію храмовъ, въ скрежетѣ и грохотѣ свѣтовыхъ колоннъ, въ остромъ запахѣ молній и въ колебаніи утесовъ, воздвигнутыхъ изъ нѣдръ потрясенной тьмы,—возникнетъ первая Мистерія, таинство опьяненно и безгранично творящаго духа, поэма божественной игры, подобная поэмѣ мірозданія.

Закончивъ эти разсужденія, я хочу еще прибавить, что главной цѣлью этой статьи было начертать имя Скрябина на первыхъ страницахъ нашего журнала, воздвигнуть слово его памяти и поднять наши факелы вослѣдъ ушедшему генію, овѣявшему насъ ураганомъ своихъ мечтаній. Великая мистерія его жизни, каждый шагъ которой отраженъ въ безсмертной цѣпи его твореній, послужитъ евангеліемъ для всѣхъ идущихъ къ пламени, и имя его изъ великой семьи Прометеевъ будетъ именемъ величайшаго порыва человѣка къ Богу.

Отъ себя и отъ моихъ друзей я приношу ему здѣсь даръ благоговѣйной любви и безконечнаго страстнаго преклоненія.

Павель Аренскій

1918

Из собранія В. Н. Чекато

Скрябинъ

МОЛИТВЫ

I

Агарь! Агарь! Пойди ко мнѣ. Надъ моимъ сердцемъ отяготѣла ночь.

Возьми огонь и воспламени бронзовыя лампы, чтобы бурные отклики полночного пламени волненіемъ и трепетомъ охватили базальтъ. Отвали камня отъ усть фонтановъ, желанія которыхъ шумятъ въ подземельяхъ,—да подымутся во мглѣ тяжелыя воды, неся подъ своды мрака свои ослѣпленныя мечты.

И закачаются надо мною тѣни, и околдуетъ меня шопотъ пламени, и среди плеска и непрестаннаго ропота потонетъ моя душа.

И пойди, и принеси ночныхъ цвѣтовъ, отуманенныхъ росой, и брось у изголовья моего, чтобы къ ноздрямъ моимъ поднялось дыханіе бѣлыхъ магнолій и нѣжнымъ свѣтомъ охватило мое лицо.

И возьми узкій кувшинъ, хранящій благоволеніе розы, и поднявъ его надъ плечомъ, возлей тяжелую и пахучую струю на умирающіе цвѣты. Тотчасъ же подымутся густыя волны пурпура и поплывутъ и потянутся среди блеска и серебра магнолій, и вѣчный аромат прольется въ мои губы и потушитъ скорбь.

Тогда приди и струистыми устами коснись моего сердца, и да будутъ ласки твои какъ прозрачная вода. Безмолвные и свѣтлые взоры твои осѣнятъ мою голову, прохладный ротъ какъ каменная лилія наклонится къ моимъ губамъ,—и я закрою глаза, напоенные тишиною, и вздохну между рукъ твоихъ и засну.

Но берегись, не бери кифары своей, чтобы усладить мой сонъ игрою. Ибо съ первымъ стономъ ея я подымусь на ложь моемъ, какъ раненный звѣрь, и брошусь въ горы по ущельямъ и по краю безднѣ, неся къ вершинамъ, осіяннымъ полночью, мою проснувшуюся и гремящую тоску.

1912

II

Кто ты, сидящій средь бѣлыхъ развалинъ храма, и бодрствующій всю ночь?

Кто ты, устремившій взоры свои вдаль, и безмолствующій до зари?

Твои руки сложены на нѣжныхъ колѣняхъ, твои губы сомкнуты и молчатъ. Вокругъ тебя ночь и колыханіе мрака и тяжкіе зовы тьмы.

О, темноликій юноша! я принесла къ ногамъ твоимъ мое сердце. Я оставила мое племя, и боговъ моего племени, чтобы служить тебѣ. Въ печали усть твоихъ нашла я свое счастье. Въ недвижныхъ взорахъ твоихъ—свою судьбу.

У ногъ твоихъ вздыхаютъ и колеблются лиліи, кругомъ тебя мерцаютъ священные бассейны.—Не богъ ли ты покинутый своимъ народомъ и скорбящій о своемъ божествѣ?

О, кто бы ты ни былъ! Я ничего не знаю о тебѣ! Твои уста молчатъ, твое чело повито бѣлыми цвѣтами, и я люблю тебя.

Земля гудитъ и арфа стонетъ въ моихъ рукахъ,—полночный вѣтеръ грохочетъ надъ землей. Тише, тише, земля! я буду играть и плясать,—тише, тише, гремящая!—передъ лицомъ моего бога.

О, свѣтозарный! взгляни на меня! Посмотри на мои руки, онѣ бросаютъ свѣтъ на струны. Посмотри на мою поступь, она рождаетъ желаніе въ землѣ.

На волосахъ моихъ горятъ золотыя цѣпи, моя туника гремитъ и вьется, какъ пламя во тьмѣ.

О, великодушный! твоя раба молить тебя! склони взоры свои ко мнѣ. Да не будетъ пляска моя пляской скорби передъ лицомъ твоимъ.

Гдѣ стыдъ твой, женщина, обнажающая бедра свои? гдѣ боги твои, жрица, раскрывшаяся, какъ дочь блуда? О, будь милосердъ ко мнѣ, я не знаю. Твои губы влекутъ меня, и очи мои мутятся, и мысли мои кружатся и плывутъ.

Что мнѣ сказать тебѣ, чтобы открыть уста твои, чтобы привлечь взоры твои ко мнѣ?—Что я люблю тебя, что сердце мое умираетъ отъ любви!

Тише, тише земля! Тише, гремящая! Моя арфа звенить въ груди моей, мое больное счастье нисходитъ ко мнѣ.

О, не гляди на меня,—это танецъ моей любви, о, отвернись,—это танецъ падшей алмеи. Цвѣты дрожать и льются между ногъ моихъ, струны арфы переплели мое тѣло, губы мои полны поцѣлуевъ.

Молчи! Что мнѣ до тебя? Въ моемъ сердцѣ сладость и печаль, въ моемъ сердцѣ печаль и упоеніе. Да будутъ слезы мои блаженною росой любви на рукахъ моихъ. Да будетъ пѣснь безутѣшности моей полночнымъ ропотомъ наслажденія на губахъ моихъ. Ахъ, душа горитъ и плачетъ! Гдѣ мнѣ упасть, чтобы не окровянить ногъ твоихъ моей любовью?

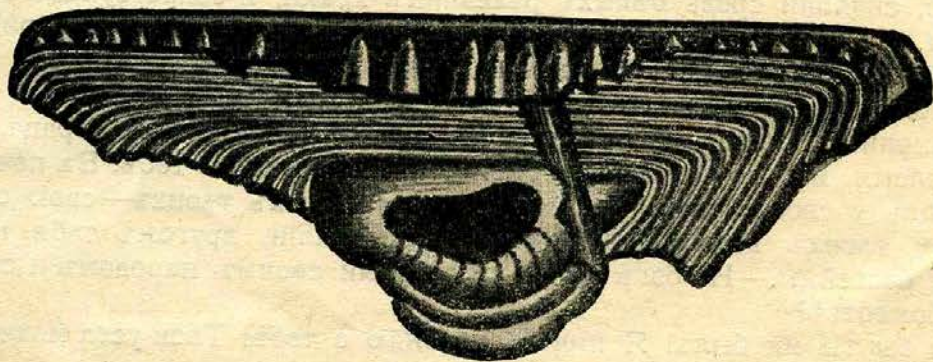
Тише, тише! Это вѣтеръ шумитъ и грохочетъ, это арфа моя гремитъ надъ землей! Я закружилась, я падаю! Что это за ароматы дрожать у ноздрей моихъ? Что это за ураганы сіяютъ надъ лиліями? Ахъ, сейчасъ грянетъ громъ! Сейчасъ разверзнется небо, и молніи затопятъ землю!

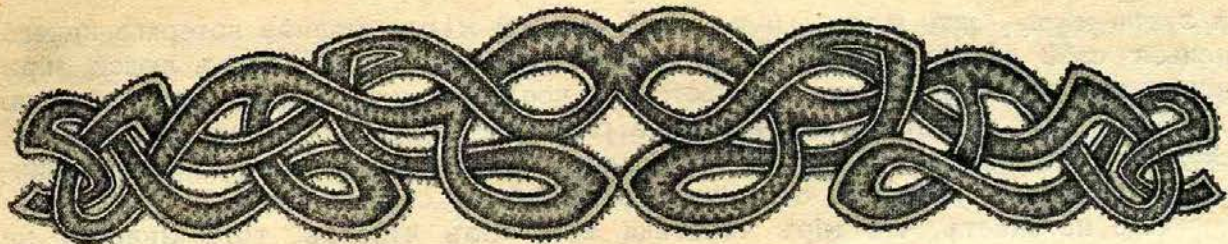
Царь мой! Царь мой! Возьми меня! Я вся передъ тобою. Вихри сорвали одежды мои, громы откинули голову мою—сердце мое горитъ передъ тобою какъ жертвенный огонь.

Взгляни, раба твоя плачетъ. Омрачились взоры мои, арфа моя окровавлена, и губы мои полны крови. О, царь! ты погубилъ меня,—да живетъ душа твоя, царь мой! Пойду, склонюсь къ ногамъ твоимъ, лягу въ прахъ, буду лепетать и плакать у ногъ твоихъ склоненная, буду плакать и дремать, доколѣ сонъ не отуманитъ души моей.

Земля молчитъ. Уснули вѣтры, и лиліи спятъ. Дремотнымъ блескомъ окутаны бассейны. Въ безбрежной тишинѣ рождается далекая заря. О, юноша! О, чистый! Твое чело повито сѣлыми цвѣтами, и я люблю тебя.

Павель Аренскій
1912

ОТДѢЛЬНЫЯ МЫСЛИ

1

Тотъ постоянно удивляется и теряется, встрѣчаясь съ новыми явленіями, кто не одаренъ своей собственной единой идеей, выразителемъ которой онъ постоянно стремится быть вполнѣ безсознательно.

Каждое новое незнакомое явленіе есть для идеи новый случай, благодаря которому она еще и еще немного выясняется для интеллекта. Интеллектъ же постоянно старается угадать эту идею. Пусть даже онъ строить при этомъ ложныя предположенія, которыя рушатся и снова строятся, пусть оживаютъ предвзятыя идеи и т. п. — все это не опасно, все лишнее и ложное отпадетъ, какъ только откроется эта идея.

Но жизни человѣческой можетъ не хватить для того, чтобы идея успѣла развиться и окрѣпнуть.

(Какова объективная цѣнность такой идеи?)

2

Не подозрительно ли то, что каждому философу хватило времени на изобрѣтеніе его системы?

3

Побѣдить чувство не значить уничтожить его, но значить найти къ нему разумное отношеніе.

4

Правда не въ томъ, чтобы найти *какъ* жить, а въ томъ, чтобы *найти* какъ жить.

5

Вѣра въ безсмертіе души и жизнь въ настоящемъ „ради будущаго“, пожалуй является у наиболѣе даровитыхъ людей симптомомъ того, что жизнь въ „настоящемъ“ только смущаетъ ихъ своей полной ничтожностью.

6

Не важно, чтобы было много счастливыхъ, важно, чтобы не было, хотя бы и одного несчастнаго. Несчастія людей неслагаемы, ибо сколько бы несчастныхъ не было, каждый изъ нихъ будетъ несчастливъ отдѣльно и притомъ въ полной мѣрѣ, т. е. сознавая, или ощущая себя несчастнымъ, онъ заполнить этимъ всю свою жизнь. Слѣдовательно, если предположить весь міръ людей счастливымъ, кромѣ одного, который несчастенъ, то должно сказать, что весь міръ страдаетъ, ибо міръ страдающаго въ его страдающемъ сердцѣ.

А этотъ міръ — есть полный человѣческій міръ, полнѣ котораго ничего нельзя себѣ представить, т. к. нѣтъ міра одного даже двухъ людей, міръ всегда есть нѣчто отдѣльное и самостоятельное для каждаго отдѣльнаго человѣка.

И то, что радость существуетъ на ряду со страданіемъ, ни какъ не можетъ служить компенсаціей страданію. Наоборотъ: возможность радости, при наличности страданія, говоритъ о вопіющемъ положеніи страдающихъ.

Кто не знаетъ, что міръ человѣка есть міръ чувствъ, тотъ никогда не узнаетъ, какъ помочь человѣку.

7

Вотъ мать, потерявшая своего ребенка.

Ангель и чортъ рвутъ ея сердце на части. Что ей, этой матери до истины и будущаго благополучія?

Вотъ мыслитель, геній котораго, развернулъ, наконецъ передъ нимъ картину, долго жданной, давно искомой истины. Онъ прозрѣлъ въ даль къ людямъ будущаго, онъ нашелъ дорогу, которая поведетъ къ ихъ счастію, онъ самъ счастливъ. Что ему до матери, потерявшей ребенка?

8

Люди думаютъ только о томъ, что они обезпечиваютъ радость грядущимъ поколѣніямъ, но что они же обезпечиваютъ имъ горе — объ этомъ они не думаютъ.

9

Ахъ, если бы жить вѣчно! Развѣ въ этомъ чувствуется недостатокъ? Вѣдь въ каждый моментъ жизни своей человѣкъ живетъ такъ, какъ если бы онъ обладалъ вѣчной жизнью, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда мысль его спеціально занята вопросомъ о конечности его личнаго существованія.

10

Равенство и гордость. Человѣкъ причастный къ идеѣ равенства, гордится этой причастностью и тѣмъ показываетъ, что мало ему равныхъ...

Къ какой же идеѣ причастенъ такой человѣкъ?

11

Иные люди, встрѣчаясь, такъ ясно понимаютъ обоюдную подлость свою, что это то и кладетъ начало ихъ взаимному довѣрію.

12

Кто думаетъ, что достигъ такой глубины, въ которой уже не интересуется и не дорожитъ мнѣніемъ о себѣ другихъ — пусть подойдетъ къ зеркалу и посмотрится въ него. Онъ не увидитъ себя такимъ, каковъ онъ есть, но такимъ, какого должны по его мнѣнію видѣть въ немъ другіе.

13

Постоянная возможность стать убійцей и быть убитому такъ велика и очевидна, что совсѣмъ не замѣчается людьми. Но бываютъ случаи, когда вдругъ человѣкъ въ силу какихъ либо обстоятельствъ, или въ силу какой либо ассоціации (мыслей часто безсвязныхъ и обыкновенныхъ) вдругъ увидитъ и пойметъ эту возможность; тогда страшное, потрясающее дѣйствіе яркой мысли приводитъ къ тому, что человѣкъ вдругъ и спокойно убиваетъ ближайшаго, попавшагося

человѣка. Такіе случаи бывають и ихъ считаютъ явленіями ненормальными объясняютъ психическимъ разстройствомъ человѣка. Но вѣрно ли это? Потому убійца можетъ быть и станетъ душевно-больнымъ, но въ моментъ совершенія убійства онъ дѣйствуетъ спокойно, почти машинально и только какъ бы иллюстрируетъ невольно свою слишкомъ яркую, какъ бы новую, поразительную мысль.

14

Ужасающее граничить со смѣшнымъ.

Если бы мыслимо было существо, которому доступна была бы вполнѣ объективная точка зрѣнія, то такія стихійныя бѣдствія, какъ землетрясеніе, эпидемія и пр. и такія явленія, какъ старость, слѣпота—возможно, казались бы ему смѣшными.

15

Каждый добрый, добръ для себя, потому онъ такъ дорожитъ своей добротой и плохо понимаетъ ужасы жизни. Злой лучше знаетъ, что такое мученье, потому что онъ злой и для себя.

16

Развѣ можно сдѣлать выводъ изъ того, что міръ существуетъ?..

Мих. Ал. Чеховъ

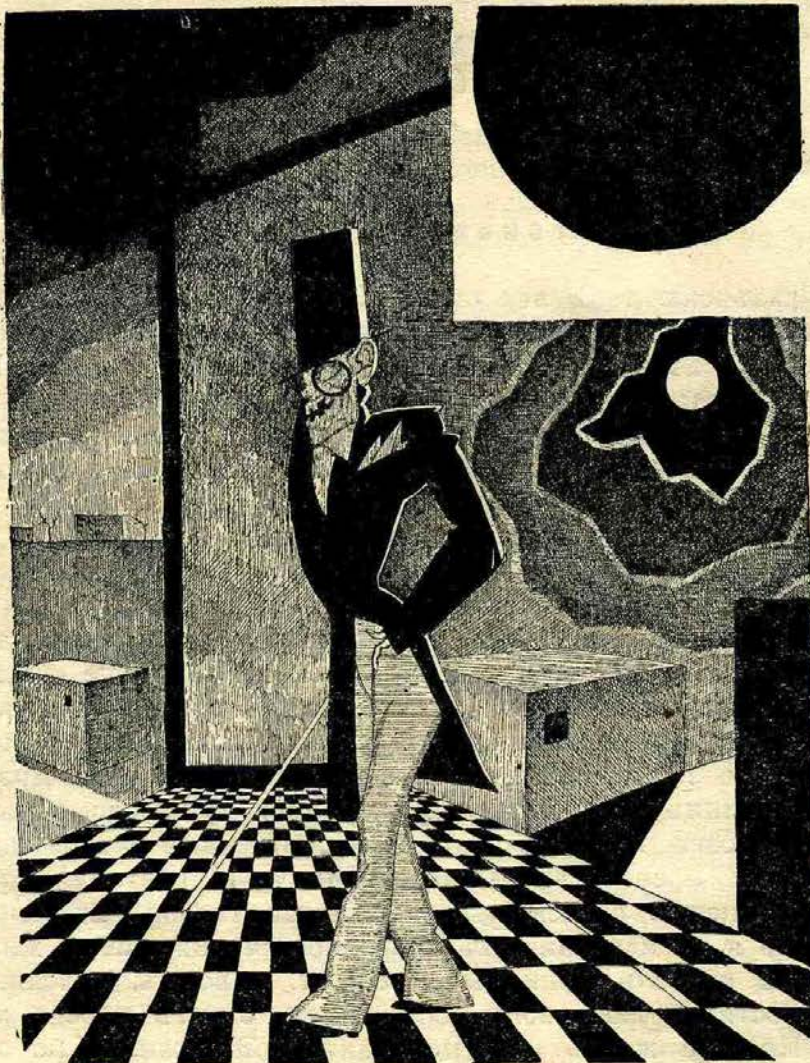

рис. Юрія Завадскаго.

ЛАВА

Драматическій эскизъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ Мирослава Яроши

Переводъ съ нѣмецкой рукописи

„Чему научить Тебя въ первый день?“

„Я хотѣлъ бы прыгнуть черезъ собственную тѣнь!“

(Гѣте.)

Дѣйствующія лица:

Абеве
Иксигрекъ
Элемень
Эресте
Мать
Офицеръ

I

Въ комнатѣ Иксигрека

Абеве: Я разъясню тебѣ эту тайну. Кошка по всей вѣроятности не обращала бы никакого вниманія на мышъ, если бы та отъ нея не убѣгала. Также женщина могла бы изъ безобиднѣйшаго человѣка сдѣлать настоящаго разбойника, если бы она постоянно трепетала передъ его воображаемымъ злодѣйствомъ.

Иксигрекъ: Ахъ, это все слова и слова! А у словъ съ жизнью лишь то общее, что... эхъ, нѣтъ,—у словъ ничего нѣтъ общаго съ жизнью.

Абеве: Ты упрямя.

Иксигрекъ: Неужели ты меня не понимаешь?

Абеве: Я понимаю тебя настолько, насколько вижу, какъ ты изъ спорта дѣлаешь цѣль жизни и изъ мимолетнаго эпизода цѣлую жизнь.

Иксигрекъ: Такъ выслушай меня въ сотый разъ, я расскажу тебѣ это по новому:—Я знаю, что двухъ одинаковыхъ людей на свѣтѣ не существуетъ. Прекрасно. Но я также навѣрное знаю, что, взявъ отъ десяти, пятидесяти, ста, тысячи человѣкъ то, что мнѣ нужно, я могу составить самого себя. И это я сдѣлалъ. На это я употребилъ всѣ тридцать лѣтъ моей жизни,—и теперь знаю себя до самыхъ скрытыхъ уголковъ моей души, до самыхъ глубокихъ извилинъ моего мозга. Я также знаю свои силы, какъ и свои слабости, я знаю каждое внутреннее препятствіе и его причину. И поэтому я теперь достигъ того, что могу вполне свободно разпоряжаться собой. Въ тысячѣ судебъ и опытовъ другихъ я до мельчайшихъ подробностей вижу свою жизнь, какъ она должна была бы протечь, если бы я себѣ, т. е. всѣмъ, находящимся во мнѣ силамъ и слабостямъ, далъ волю. Эта жизнь стоитъ передо мной ясная и разгаданная. Но—эта жизнь мнѣ не годится! Эта жизнь не соотвѣтствуетъ ни моимъ желаніямъ, ни моимъ стремленіямъ, ни моимъ наклонностямъ. И

поэтому я противопоставляю моему, Богомъ созданному „я“, второе, мною иско- мое „я“ и натравливаю ихъ другъ на друга въ борьбѣ за власть надъ моей жизнью. Я разрываю въ себѣ цѣпи измученнаго человѣчества, я сбрасываю съ себя иго, которое—безъ нашего желанія намъ прирожденное „я“ налагаетъ на наше сознательно достигнутое „я“! Понялъ ты меня?

Абеве (почесывая затылокъ) И да, и нѣтъ. Я понимаю то, что ты говоришь, но не понимаю того, что ты хочешь. Напримѣръ: что общаго у твоей чисто мозговой, надуманной теоріи съ Элеменъ?

Иксигрекъ: Съ Элеменъ? Вотъ тебѣ явный примѣръ.—Я по своему складу съ женщинами застѣнчивъ, робокъ, неувѣренъ, нѣженъ, деликатенъ, слабоволенъ. (Кричитъ) Но я не хочу быть таковымъ!! (Спокойнѣе) Я наблюдалъ и наблюдаю за всѣми, которые по отношенію къ женщинамъ отражаютъ мое „я“. Какъ грустно всѣ они кончали, кончаютъ и будутъ и должны кончать. Понялъ? Значить: я пришелъ къ твердому убѣжденію, что если я не хочу раздѣлить ихъ участь, то я долженъ сломить свою природу и измѣниться. Чтобы сдѣлать изъ бѣлаго сѣрое, надо примѣшать чернаго. Такъ и я долженъ былъ броситься въ противоположную крайность, захотѣвъ стать другимъ. Случай помогъ мнѣ: я познакомился съ Элеменъ.—Было ли это у нея неумѣніе разбираться въ людяхъ, или же экспериментальная ошибка,—однимъ словомъ, она совершенно не поняла меня и сразу увидѣла во мнѣ самага грубаго и суроваго человѣка, котораго только можно себѣ представить. Я застѣнчиво и неувѣренно моргая протянулъ ей руку, а она отшатнулась отъ меня съ испуганнымъ вскрикомъ и со смертельнымъ, но все же сладострастнымъ страхомъ. Я завелъ съ ней отвлеченный разговоръ, но по глазамъ ея читалъ, что она придаетъ моимъ словамъ совсѣмъ другой и пошлѣйшій смыслъ. Однимъ словомъ, я нашелъ ту женщину, которая мнѣ нужна, если я хочу направить мою жизнь туда, куда я хочу,—я, а не Богъ знаетъ кто!

Абеве: А кто эта женщина, это тебѣ безразлично?

Иксигрекъ: Въ высшей степени безразлично! Пойми же: мы должны стремиться быть цѣлыми. И такъ какъ всѣ мы только половинки, то нужно найти себѣ дополненіе. Элеменъ мнѣ дополнительна! Неужели ты не чувствуешь всю важность этого понятія?

Абеве: (улыбаясь) Я право никакъ не могу представить себѣ тебя въ той суровой и грозной роли, которой ты себя тѣшишь.

Иксигрекъ: (краснѣя) Вотъ, видишь, это тотъ моментъ, когда я тебя ненавижу,—такъ какъ въ этотъ моментъ ты принадлежишь къ легіону моихъ враговъ, ко всѣмъ тѣмъ, которые сомнѣніемъ и насмѣшками тормозятъ наше развитіе. И въ этотъ моментъ вся душа моя призываетъ Элеменъ, которая меня видитъ такимъ, какимъ я хочу, чтобы меня видѣли, которая помогаетъ мнѣ въ достиженіи моей цѣли, которая меня во второй и лучшей разъ рождаетъ.

Абеве: Всего лучшаго! Я ухожу, потому что у меня начинается голова. (беретъ шляпу).

Иксигрекъ: (неуважно) Наши дороги должны разойтись...

Абеве: (смѣясь) Я тебѣ вѣрно не дополнителенъ? Ну—до дополнительнаго свиданія.

Иксигрекъ: Прощай, Абеве,—и не давай жизни толкать себя.

Абеве: Ничего! Чувствую себя при этомъ превосходно. Прощай.—Кстати на прощанье, позволь мнѣ рассказать тебѣ маленькій анекдотъ. Два всадника ѣхали темною ночью. Одинъ изъ нихъ напрягалъ всю силу зрѣнія, чтобы разглядѣть дорогу. Свою лошадь онъ крѣпко держалъ въ поводахъ и руководилъ каждымъ ея шагомъ. Онъ вмѣстѣ съ лошадью попалъ въ яму.—Другой всадникъ опустилъ поводья, всецѣло довѣрился лошади, и она доставила его домой цѣлымъ и невредимымъ.

Иксигрекъ: Что ты этимъ хочешь сказать? Все же лучший всадникъ—первый?

Абеве: Да,—потому то ему и предназначена яма.—Я слышу Элеменъ идетъ. Прощай. (Уходитъ).

(На лицѣ Иксигрека вдругъ происходитъ странная перемѣна. Не измѣнивъ позы, не сдѣлавъ ни одного замѣтнаго движенія, онъ тѣмъ не менѣе становится совершенно другимъ. Его обыкновенно мягкое тонкое лицо принимаетъ суровое, полное ненависти выраженіе, правая рука содрогается, онъ сжимаетъ папиросу и отрывисто курить).

Элемень: (входитъ) Здравствуй Иксигрекъ. Прости, что я заставила тебя ждать.—Что это, Абеве только что вышелъ?

Иксигрекъ: Да.—О, какъ я ненавижу этого человѣка!

Элемень: Почему? Вѣдь онъ, кажется, былъ твоимъ лучшимъ другомъ?

Иксигрекъ: Никогда. Я его раскусилъ. Это—эксплоататоръ, больше ничего. Это паразитъ, который инстинктивно угадываетъ слабости людей и, потакая имъ, извлекаетъ свою пользу. О, я могъ бы его убить!

Элемень: Ради Бога, что ты говоришь? (со страхомъ приближается къ нему) Иксюша, ты не долженъ такъ говорить. Ты не долженъ такъ предаваться своимъ страстямъ. Подумай, къ чему это приведетъ? Ты долженъ обуздать себя.

Иксигрекъ: (слушалъ ее со счастливымъ выраженіемъ на лицѣ) Обуздать! Узда! Да, это настоящее человѣческое слово. И тотъ не былъ Богомъ, кто первый выдумалъ его. Вы обуздываете лошадей, молніи и лавины. Къ животнымъ и стихіямъ вы вашимъ муравьинымъ терпѣніемъ прилаживаете тормоза и препятствуете великому размаху природы. Вы бы хотѣли научить волковъ молиться.

Элемень: (нѣжно и боязливо прижимается къ нему) Нѣтъ, ты мой любимый. Нѣтъ, я не такая,—я не хочу тебя обуздывать. Я вѣдь тебя такъ хорошо понимаю. Хочу безъ звука жалобы сгорѣть въ твоемъ огнѣ, потонуть въ твоихъ могучихъ волнахъ, потому что ты силнѣе всѣхъ. И если ты вцѣпишься со смертельной силой своими желѣзными пальцами въ мою шею,—мой послѣдній взглядъ благословить тебя, мой повелитель!

Иксигрекъ: (гладитъ ее по волосамъ и говоритъ нѣжно) Элемень...

Элемень: (испуганно вздрагиваетъ отъ его прикосновенія) Да!— Не сдерживайся—я вѣдь вижу этотъ опасный огонь въ твоихъ глазахъ—да, схвати меня за волосы, тащи меня по всему дому,—вѣдь ты такъ силенъ, я точно таю передъ тобою...

Иксигрекъ: (вдругъ спохватившись, со звѣрской яростью хватается ее за волосы и стаскиваетъ на полъ) Элемень,—Элемень!— (шепчетъ) Я разъ убилъ женщину...

Элемень: (цѣлуетъ ему руки) Я такъ и знала,—я такъ и знала!—

II

ВЪ РЕСТОРАНѢ

(Входятъ Иксигрекъ и Элемень. Они садятся за свободный столъ).

Элемень: Я привела тебя сюда не безъ особенной причины.

Иксигрекъ: (осматриваясь) Красивое помѣщеніе. Я тутъ въ первый разъ.

Элемень: Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уже одинъ разъ былъ здѣсь.

Иксигрекъ: Никогда.

Элемень: Былъ, былъ. Вѣдь это и есть та причина, почему я привела тебя сюда. Здѣсь я увидѣла тебя въ первый разъ.

Иксигрекъ: Ты не ошибаешься?

Элемень: Да нѣтъ же. Я сидѣла съ друзьями; ты прошелъ мимо насъ и я спросила кто ты.

Иксигрекъ: Расскажи.

Элемень: Я обратила вниманіе на твою походку и на твои испытующіе глаза. Я спросила у моихъ друзей кто ты и они мнѣ передали всѣ слухи, которые ходятъ про тебя по городу.

Иксигрекъ: А именно?

Элемень: Ну, — про твои путешествія въ Африкѣ.

Иксигрекъ: (удивленно) Въ Африкѣ??

Элемень: Да. Скажи, это правда, что ты каждый день билъ своихъ негровъ? И что у тебя даже былъ дневникъ, въ которомъ ты записывалъ, въ какой день былъ битъ тотъ, или другой негръ, чтобы никого не забыть?

Иксигрекъ: (изумленно) Я??... Ахъ, такъ, — да, — конечно! Негровъ надо бить, — иначе съ ними не справишься.

Элемень: Ты самъ ихъ билъ? Своими собственными руками?

Иксигрекъ: Понятно. Это пустяки.

Элемень: Что это шрамъ отъ выстрѣла негритянки?

Иксигрекъ: Гдѣ?

Элемень: На лбу.

Иксигрекъ: (трогаетъ себя за лобъ) Да, — да, — но — бросимъ этотъ разговоръ. — Мнѣ хочется выпить чего-нибудь. Человѣкъ! — Человѣкъ, дайте намъ два стакана...

Элемень: Я прошу тебя, милый, не пей много.

Иксигрекъ: Но это просто смѣшно! — Человѣкъ, двѣ бутылки вина! — Мы же не маленькіе дѣти, Элемень.

Элемень: (успокаивающе) Нѣтъ, нѣтъ, не сердись. — Куда ты смотришь?

Иксигрекъ: (смотритъ на офицера, сидящаго за сосѣднимъ столикомъ) Что это за форма?

Элемень: (боязливо) Онъ изъ колоній, Иксюша, милый, — это все неотесанные люди.

Иксигрекъ: Странная форма. И какъ онъ здорово загорѣлъ.

Элемень: Милый, прошу тебя, не обращай на него вниманія.

Иксигрекъ: Навѣрное молодцы, эти солдаты тамъ въ Африкѣ. Другая порода, нежели у насъ — а?

Элемень: Иксикъ, ради Бога, не сердись на него, я умоляю тебя. Онъ пріѣхалъ изъ этихъ пустынь, и годами можетъ быть не смотрѣлъ на бѣлыхъ женщинъ, поэтому то онъ такъ и тарашитъ на меня глаза. — Не смотри туда, Иксикъ, пожалуйста не смотри туда.

Иксигрекъ: Какъ? Онъ на тебя тарашитъ глаза? Да вѣдь это же нахальство.

Элемень: Не дѣлай ему ничего, Иксикъ, право, не стоитъ.

Иксигрекъ: (громче) Я нахожу это наконецъ возмутительнымъ.

Элемень: Онъ слышитъ. Ради Бога, сдержи себя. Ахъ, ахъ, — опять этотъ огонь въ твоихъ глазахъ...

Иксигрекъ: (вдругъ вскакиваетъ и кричитъ на офицера) Милостивый государь! Вы не умѣете себя вести! Вы здѣсь не у людоедовъ!

Офицеръ: Человѣкъ, выведите отсюда этого пьянаго.

Иксигрекъ: Аааа — нахаль... (подымаетъ кулакъ).

Офицеръ: — (обнажаетъ шашку и ударяетъ Иксигрека по головѣ).

Иксигрекъ: — (падаетъ безъ сознанія).

III

ВЪ БОЛЬНИЦѢ

(Иксигрекъ лежитъ съ перевязанной головой въ постели. Рядомъ съ нимъ сидитъ его мать и держитъ его за руку).

Иксигрекъ: (просыпается и удивленно смотритъ на свою мать) Ты здѣсь, мама?

Мать: Не волнуйся, сынокъ. Поспи еще немножко, — потомъ поговоримъ.

Иксигрекъ: (молча долго смотритъ на нее, потомъ вдругъ начинаетъ рыдать).

Мать: Успокойся, дитя. Почему ты плачешь? Вѣдь все слава Богу. Докторъ говоритъ, что совсѣмъ не опасно.

Иксигрекъ: (хватается за перевязанную голову) Да, — чего же я въ сущности плачу? (Онъ глубоко вздыхаетъ; мать вытираетъ ему слезы)

Мать: Какъ ты себя чувствуешь?

Иксигрекъ: Съ какихъ поръ я здѣсь, мама?

Мать: Со вчерашняго вечера. Лежи совсѣмъ спокойно.

Иксигрекъ: (послѣ долгаго молчанія) Мама...

Мать: Что, дитя?

Иксигрекъ: Мама! Когда ты меня создавала, какимъ желала ты меня?

Мать: Какимъ я тебя желала, когда я тебя вынашивала? Да такимъ, какъ твой отецъ.

Иксигрекъ: А развѣ отецъ былъ такимъ идеаломъ?

Мать: Нѣтъ, но онъ былъ очень добръ. А вѣдь идеаловъ мало на землѣ. Не такъ-ли?

Иксигрекъ: Да, мама, совершенно вѣрно.

Мать: Твой отецъ никогда не пилъ, дитя. Когда же у тебя начался этотъ порокъ?

Иксигрекъ: Какой порокъ?

Мать: Пьянство.

Иксигрекъ: Пьянство?... Въ Африкѣ, мама.

Мать: Въ Африкѣ?? То есть какъ? Развѣ ты былъ въ Африкѣ?

Иксигрекъ: Говорятъ.

Мать: (испуганно смотритъ на него) Да, — да, да, — но теперь тебѣ нужно снова немного поспать, дитя. Спи, милый, это тебя успокоитъ (она крестится).

Иксигрекъ: Мама...

Мать: Что, сынокъ?

Иксигрекъ: Мама! Что я очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ ты послѣдній разъ меня видѣла?

Мать: Нѣтъ, маленькій. Ты только немножко похудѣлъ.

Иксигрекъ: (въ отчаяніи качаетъ головой) И только? Больше ничего?

Мать: Нѣтъ, больше ничего. Господи, когда я на тебя смотрю, какъ ты здѣсь лежишь, — въ этой бѣлой рубашечкѣ — Боже мой, какъ часто я такъ у тебя сидѣла, когда ты, мой мальчикъ, бывалъ боленъ, — и также держала твою горячую руку. Безъ моей руки ты, маленькій трусъ, никогда не могъ уснуть — и тогда я должна была тебѣ рассказывать сказки, — но только не страшныя, — ты ихъ ужасно боялся. Ты любилъ слушать только про фей и ангеловъ, а иногда ты самъ выдумывалъ такія сказки, мой маленькій поэтъ... (испуганно прерываетъ) Что съ тобою, дѣтка, — Господи, что съ тобой?

Иксигрекъ: (весь въ слезахъ) Ничего, мама, ничего... Дай руку, мама, — я хочу заснуть.

IV

Въ столовой

(Иксигрекъ и Эресте сидятъ за обѣдомъ).

Иксигрекъ: Давай сдѣлаемъ такъ, Эресте. Въ моемъ кабинетѣ устроимъ дѣтскую, а я уже себѣ найду уголокъ, когда мнѣ захочется писать.

Эресте: (обнимая его) Ахъ ты, мой добренькій. Какъ меня мучилъ этотъ вопросъ. Вѣдь квартиру больше этой мы не могли бы снять.

Иксигрекъ: Я надѣюсь, что къ новому году мнѣ въ банкѣ дадутъ прибавку. А до тѣхъ поръ мы просто какъ нибудь устроимся. Да — милюся?

Эресте: Да, милый. Ты такой добрый, такой добросовѣстный. Да, — я отдала свою жизнь въ вѣрныя руки. Какимъ хорошимъ отцомъ ты будешь мой ангелъ (цѣлуетъ его).

(Входитъ Абеве во фракъ).

Абеве: Здравствуйте!

Эресте: Здравствуйте, милый другъ. По дѣлу? Тогда я васъ оставлю (уходитъ).

Иксигрекъ: Откуда ты во фракъ?

Абеве: Со свадьбы. Угадай, кто на комъ?

Иксигрекъ: Папа на вавилонской мадоннѣ.

Абеве: Не шути! Элемень сегодня вышла замужъ.

Иксигрекъ: (вскакиваетъ) Какъ? Элемень? Она развѣ здѣсь? За кого?

Абеве: За офицера изъ колоній.

Иксигрекъ: (тронуть) Какъ она вѣрна!

Абеве: (насмѣшливо) Кому? Тебѣ?

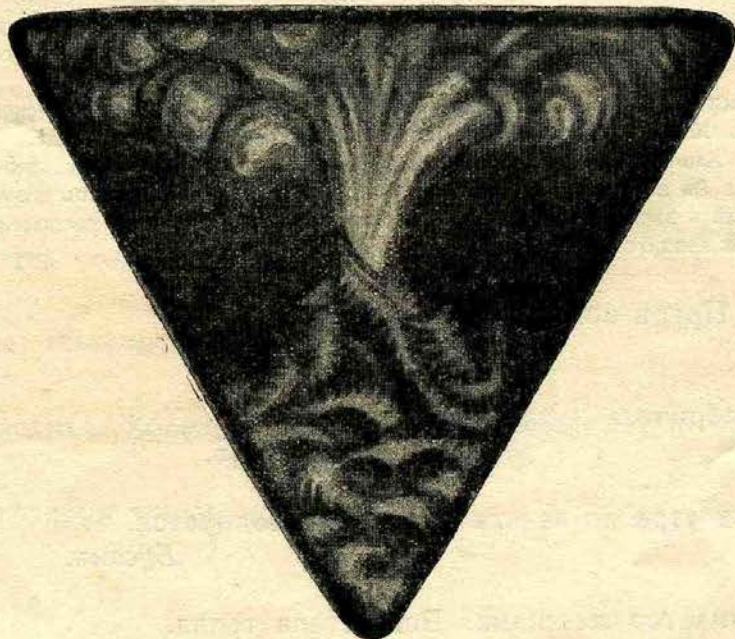
Иксигрекъ: (серьезно) Да! Мнѣ, и главнымъ образомъ—самой себѣ.

Абеве: (подозрительно взглядывая на него) Ладно, ладно—оставимъ эту тему.—Какъ здоровье твоей жены? Когда вы ждете наслѣдника?

Иксигрекъ: Жена здорова, спасибо,—и игра продолжается! Черезъ мѣсяцъ милости просимъ на крестины. Какъ я это все ясно предвидѣлъ еще три года тому назадъ.

Абеве: Стопъ, стопъ. Прошу безъ рецидивовъ! Какъ поживаетъ твоя невѣстка? Много ли у васъ работы въ банкѣ? Какъ котируются сейчасъ желѣзно-дорожныя акціи? Гдѣ ты проведешь лѣто? Не можешь ли ты мнѣ рекомендовать портного? Видѣлъ ли ты премьеру въ новомъ театрѣ? Ахъ, какая дивная жѣнщина танцуетъ теперь у „Максима„! Вчера я купилъ себѣ рысака Орловскаго...

Иксигрекъ: (устало) Ладно, ладно, другъ мой! Ладно! Я знаю: не мало съ нами заботъ у Бога!

Х А Й - К А Й

В японской поэзии есть одна своеобразная форма, — стихотворение в трех строках. Первая строка заключает в себя 5 слогов, вторая—7, и третья—тоже 5. Это—Хай-Кай.

Время возникновения Хай-Кай относится к началу XII вѣка. Но окончательный видъ эта форма приобрѣла только в XVII вѣкѣ, в стихахъ Соо-Инь Нисиама (1604—1682) и его ученика Соо-Танъ Мацуо (1644—1694).

В противоположность танкамъ, нагаутамъ и другимъ древнимъ формамъ японской поэзии, написаннымъ классическимъ языкомъ, Хай-Кай отличается простой, разговорной народной рѣчью.

Между авторами Хай-Кай наиболѣе достойны вниманія Басіо и Бусонъ-Юся (1716—1783), великій живописецъ и поэтъ Японіи. В настоящее время этотъ видъ поэзии былъ возрожденъ поэтомъ Сики.

Мы приводимъ здѣсь нѣсколько образцовъ Хай-Кай в нашемъ переводѣ, расположивъ стихи в порядкѣ времени года, какъ это принято в японскихъ сборникахъ.

Весенніе дожди. Прудъ соединился съ рѣкой.

Бусонъ.

Одинъ цвѣтокъ абрикоса и уже немного весны.

Ронсецъ.

Весеннее море съ утра до вечера вяло вяло волнуется.

Бусонъ.

Переправой занимается женщина. Вода стала тепла.

Бусонъ.

Мнѣ пришлось черпать в сосѣднемъ колодцѣ, потому что мою бадью за ночь оплели цвѣты.

Чиё.

Съ утра до вечера поетъ жаворонокъ, но ему и этого мало.

Басіо.

Туманный вечеръ. Кто-то стоитъ въ грушевомъ саду.
Бусонъ.

Днемъ лягушка поетъ: жду ночи. Ночью: жду дня.
Бусонъ.

На востокъ и на западъ безпокойно летаетъ воробей.
Бусонъ.

Лепестокъ цвѣтка попадаетъ въ ротъ. Близко лѣто.
Басіо.

Хромой идетъ по водѣ и за нимъ остаются мутныя пятна.
Бусонъ.

Сложивъ лапки, лягушка поетъ пѣснь веселія.
Суо-Канъ.

Въ полѣ тихо. Бабочка летаетъ. Бабочка уснула.
Госинъ.

Корова стоитъ въ водѣ и машетъ хвостомъ. Какая прохлада.
Банке.

Забывъ о краскѣ на губахъ, я напилась изъ горнаго источника.
Чіе.

Сорванный цвѣтокъ не отказываетъ своему убійцѣ въ ароматѣ.
Чіе.

Глубокая вода тихо-тихо течетъ между горъ. Близъ мели безцѣльно подымается волна.

Доканъ.

Ясная луна. Подошва Фузіамы безгранична.
Чіе.

Темно. При свѣтѣ огня стала другой хризантема.
Бусонъ.

Моя любовь прекрасна, какъ яблоко.
Томи.

Первый снѣгъ едва покрылъ мостикъ и пересталъ.
Босіо.

Холодно, холодно. Начало зимы. Хожу безъ палки.
Бусонъ.

Старинный монастырь. Холодная луна. Волкъ лаетъ.
Хикъ-Ко.

Въ печи двѣ блестящія точки: кошка сидитъ.
Геодай.

ЭТЮДЪ

Въ полдень Когурро подошелъ къ озеру, закованному въ неприступныхъ скалахъ, и сошелъ къ нему. И увидаль онъ, что оно наполнено бегемотами, которые дремали въ водѣ. И они вздыхали и плавали и жевали стебли лилій, и озеро было наполнено ими.

И созвалъ Когурро своихъ воиновъ и велѣлъ имъ занять всѣ входы и выходы этого водоема и стеречь всю ночь. И прежде, чѣмъ солнце успѣло скрыться за горами, они обошли озеро, и осмотрѣли берега его, и заняли всѣ входы и выходы къ водѣ.

И когда солнце зашло, Когурро сказалъ:

— Сторожите берега, бейте въ ногары и разведите костры. Сотни и сотни звѣрей въ ловушкѣ у меня. Завтра погоню ихъ отсюда.

Тогда копыеносецъ его, Утори, приблизился и сказалъ:

— О, господинъ нашъ, царь! Здѣсь нѣтъ топлива для костровъ и пастбища для верблюдовъ. Также и вода здѣшняя тяжела, и невозможно пить ее. Эти бегемоты больше и жирнѣе нашихъ; и они живутъ въ черныхъ водахъ среди неприступныхъ скалъ. Это звѣри бога Гоатты, который обитаетъ въ этихъ мѣстахъ. И лучше было-бы намъ всѣмъ, если бы ты не трогаль ихъ.

И отвѣчалъ Когурро:

— Если бы эти животныя были ничьи,—мы бы просто взяли ихъ, но, такъ какъ они принадлежать Гоаттѣ, то мы возьмемъ ихъ у Гоатты.

И зашло солнце, окровенивъ гребни скалъ. И пошли черныя тучи и потянулись по небу, и стало небо темно-синее и черное, прорѣзанное мрачными

облачными жилами. И всю ночь темный вѣтеръ гналъ и сталкивалъ тучи надъ горами. И багровый мѣсяцъ нырять между ними и неся надъ вершинами горъ. И тучи шли всю ночь.

Въ началѣ ночи Когурро проснулся и увидаль стараго Утори, сидящаго около него. И сказалъ ему старикъ:

— Когурро, ты слышишь стоны и ревы звѣрей? И вѣтеръ свистить и скрежещетъ средь утѣсовъ. Не уйти ли намъ изъ этихъ мѣстъ?

И отвѣчалъ ему Когурро съ усмѣшкой:

— Что ты все причитаешь?—и, повернувшись, заснулъ.

И насталь часъ, когда всѣ спять.

Костры угасли, и обильная роса выпала на землю. Время отъ времени изъ ущелій подымался рокотъ военныхъ барабановъ, и хрипло и глухо перекликались сторожа у воды.

Вдругъ Когурро содрогнулся, затрепеталъ и открылъ глаза.

Глубокая тишина была вокругъ него. Вѣтеръ стихъ, и полный мѣсяцъ горѣлъ на небѣ. И въ свѣтѣ мѣсяца увидаль Когурро темноликаго юношу съ копьемъ посерединѣ лагеря. Узкобедрый и легкій стоялъ онъ межъ спящихъ, и на губахъ его была улыбка, и бѣлая лилія сіяла въ его волосахъ. И смотрѣлъ на него Когурро и не могъ отвести очей своихъ. А лагерь безмолствовалъ въ лунномъ блескѣ, очарованный полночной тишиной. И часовые дремали на копьяхъ своихъ, и верблюды перестали жевать и стали неподвижно съ тѣнями своими на землѣ. Задумчиво и неслышно прошелъ юноша мимо царя, и прошелъ по всему стану мимо спящихъ воиновъ и мимо верблюдовъ, и они не шевельнулись. И скрылся во мглѣ.

Тогда поднялся Когурро въ смущеніи и гнѣвѣ и закричалъ:

— Человѣкъ! Остановись!

И поднялись воины, бряцая оружіемъ своимъ. И взялъ царь пятерыхъ изъ нихъ съ факелами и пошелъ по слѣдамъ скрывшагося. И тѣлохранитель его Утори пошелъ съ нимъ.

И опять понеслись тучи, и мѣсяцъ, колеблясь, скрылся въ нихъ, и скалы заскрежетали подъ ударами вѣтра, и смятеніе стало на землѣ.

Но слѣдъ неизвѣстнаго горѣлъ луннымъ блескомъ и не гасъ въ темнотѣ. И онъ велъ въ тѣснины и пропасти горъ.

И сказалъ Утори:

— Это слѣдъ змѣеобутаго. Это великій охотникъ безднѣ.

И ничего не отвѣчалъ ему царь. Молча и угрюмо шелъ онъ по свѣтлымъ стопамъ бога, и робко слѣдовали за нимъ воины, шепча заклятья.

И пришли они къ обрыву и стали среди великихъ скалъ и глубокихъ пещеръ. Здѣсь надъ безднами терялась лунная тропа. Страшны были крутизны горъ и дико ревалъ вѣтеръ и крутился во тьмѣ.

И взялъ царь факель у воина и бросилъ его во мракъ. И упалъ факель, и взвыло пламя и, достигнувъ глубины, шипя угасло въ водѣ.

И сказалъ царь:

— Подождемъ дня.

И, завернувшись въ шкуру леопарда, легъ на скалѣ. И отошли воины и легли подъ выступами камней и закрыли головы свои отъ мрака.

И безмолвіе стало среди лежащихъ на скалѣ.

И въ третій разъ въ ночь проснулся царь и въ смятеніи поднялся съ земли.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Утори, и лицо его было освѣщено свѣтомъ мѣсяца и исполнено тревоги. И онъ смотрѣлъ въ глубину ущелій и прислушивался. И воины стояли неподвижно, опершись на копья свои и слушали, вытянувъ головы, и на лицахъ ихъ былъ страхъ.

И услыхалъ Когурро отдаленный и тяжкій гулъ, какъ отъ приближающагося урагана, или моря, или лавоваго потока.

И мѣсяцъ садился надъ скалами, и скалы были очерчены мѣдью, и мѣднсе сіянье стояло надъ землей.

И шумъ увеличивался и становился обширнѣе и ясно было, что онъ исходить отъ глубины горъ и подземныхъ пещеръ.

Вдругъ одинъ изъ воиновъ протянулъ руку и сказалъ:

— Гляди, царь!

И взглянулъ Когурро по направленію протянутой руки. И увидалъ онъ въ тѣснинахъ какъ-бы движеніе тьмы. И увидалъ онъ, что это бегемоты, которые поднимаются по скалистымъ тропамъ и идутъ другъ за другомъ, сотрясая воздухъ пещеръ. И они выходили изъ глубинъ, и мѣсяцъ освѣщалъ ихъ черныя тѣла тусклымъ багрянымъ сіяніемъ, и ихъ было великое множество.

И когда они поднялись изъ ущелій и пошли по гребню горъ, ярко освѣщенному мѣсяцемъ, Когурро увидалъ человѣка, сидящаго на одномъ изъ нихъ. Станъ его былъ таинствененъ и нѣженъ, и бѣлая лилія сіяла въ его волосахъ.

И увидали его воины и Утори, и шопоть, подобный вздохамъ, пронесся между нихъ:

— Гоатта! Гоатта! Великій охотникъ безднъ!

Неподвижно и молча стоялъ царь въ свѣтѣ мѣсяца, и діадема на челѣ его казалась окровавленной. И никто не смѣлъ подойти къ нему.

Когда-же бегемоты скрылись за поворотами горъ, и затихъ шумъ отъ движенія ихъ, на скалахъ появился человѣкъ, который кричалъ:

— Когурро! Ты-ли это, царь?

И, подошедъ, палъ на колѣни.

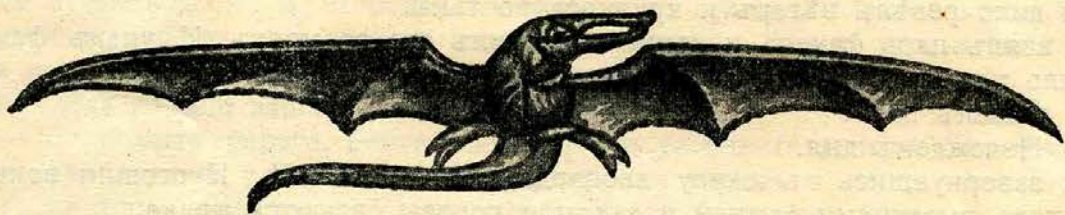
— О, царь!—сказалъ онъ,—всѣ выходы и входы къ водѣ были заняты нами, и никто изъ рабовъ твоихъ не сомкнулъ очей у костровъ, и всю ночь гремѣли барабаны, но бегемоты ушли невѣдомыми путями, и нѣтъ болѣе звѣрей въ водѣ.

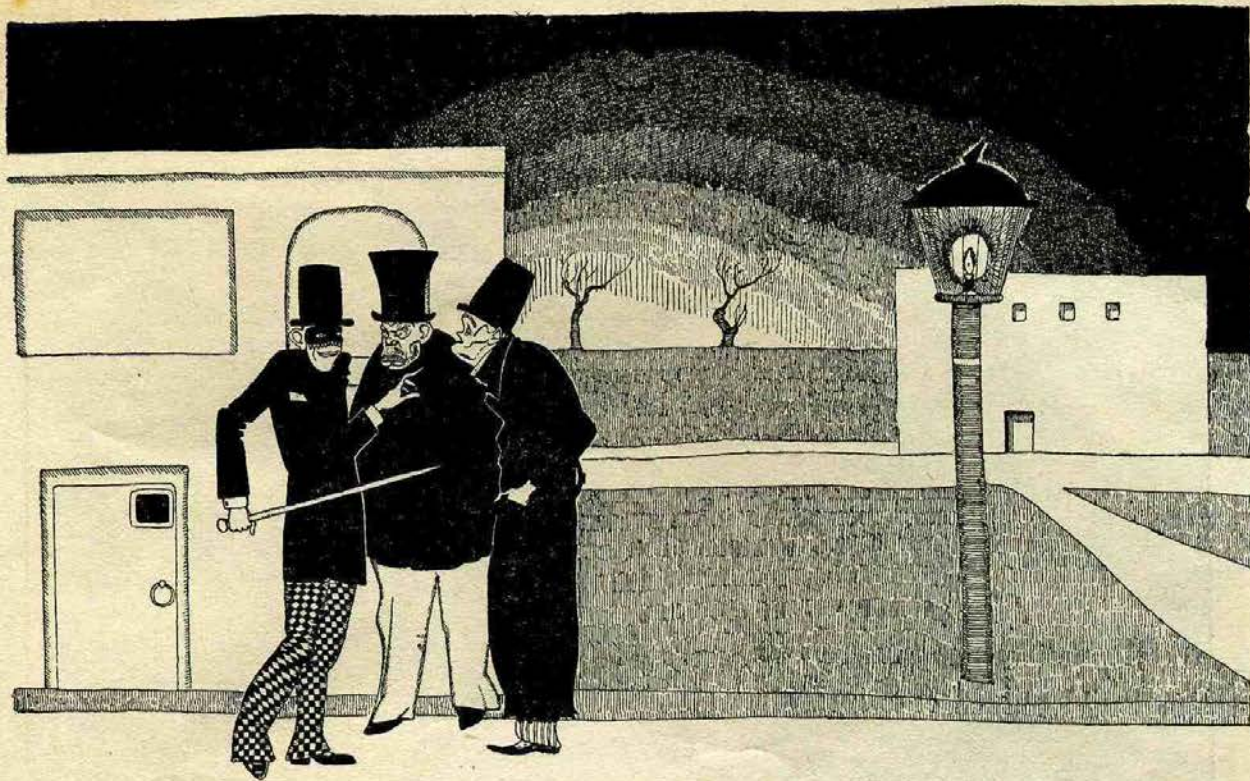
Молча отвернулся отъ него Когурро и, переломивъ копье свое, бросилъ его въ пропасть.

А на утро потянулись верблюды и воины среди горъ, покидая страну Гоатты. И велѣлъ царь копьеносцу своему Утори запомнить очертанія этихъ горъ, чтобы никогда болѣе къ нимъ не возвращаться.

Павель Аренскій

1913

ЭДМОНДЪ КИНЪ

Лондонскій вѣтеръ срываетъ мокрый брезентъ балагана.
Низкая сцена. Свѣчи. Холстъ размалеванъ, какъ мѣръ.
Ложы встають горбомъ. Въ райкѣ напоръ урагана,
Гонить за гибелью въ небо пьяныхъ актеровъ Шекспирь.

Макбетъ по вереску мчится. Конь взлетаетъ на воздухъ.
Мокрая пряди волосъ лезутъ въ больные глаза,
Вѣдьмы гадаютъ о царствахъ. Ямбъ діалога громоздокъ.
Шесть съ головой Короля торчитъ, разодравъ небеса.

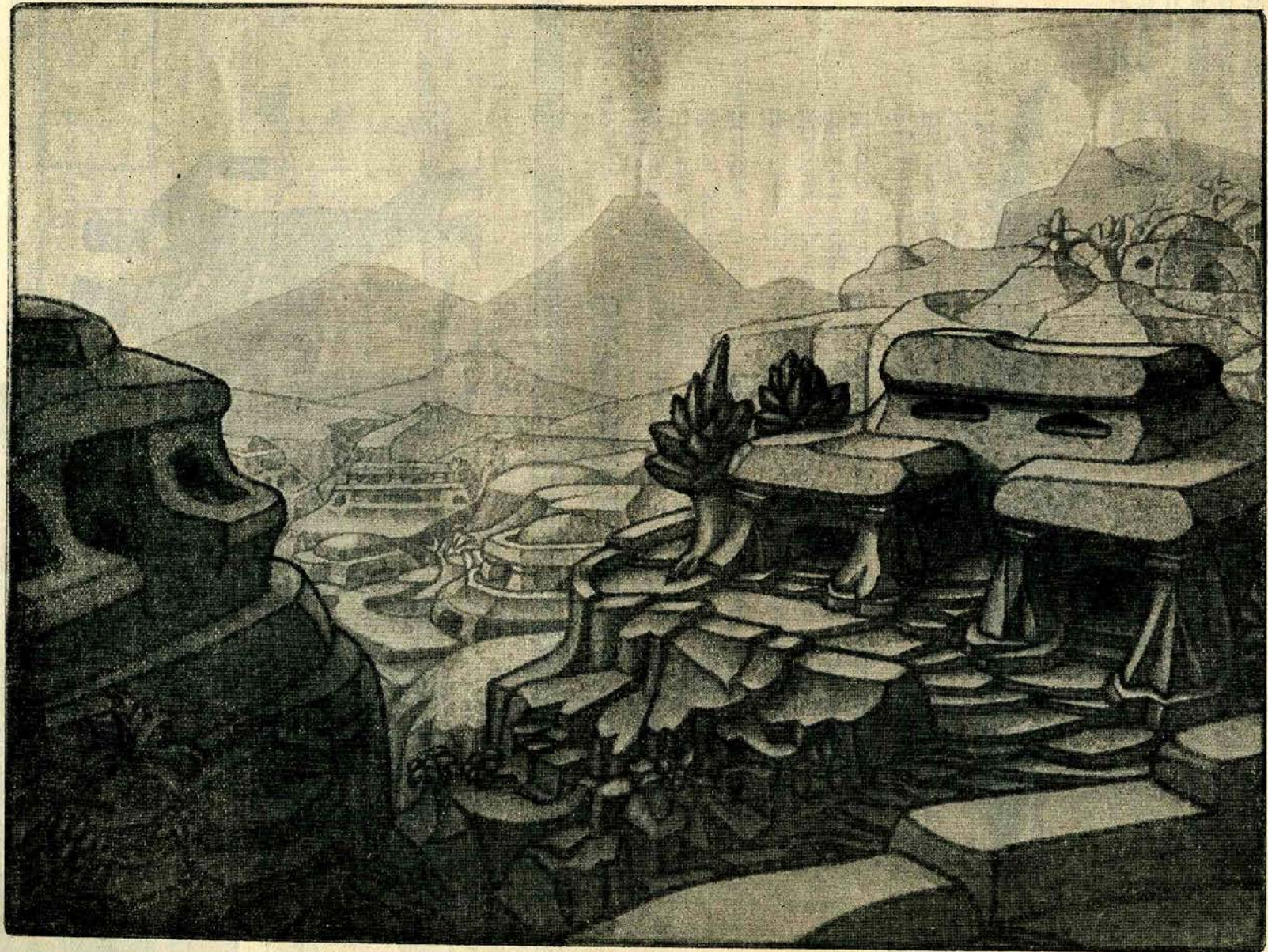
Вѣдьмы летятъ и поютъ. Занавѣсъ бѣдный задвинуть.
Въ ключья разорвана страсть. Отхлынулъ въ ночь ураганъ.
Кассу считаетъ директоръ. Полночь. Столъ опрокинуть.
Леди къ спутникамъ жмутся. Запертъ пустой балаганъ.

П. Антокольскій

Облака подъ мертвымъ вѣтромъ загибались,
Разлагались въ замогильной сарабандѣ.
Выросли многоярусные кубы.
И слезились въ переулкахъ фонари.
И прохожіе другъ другу улыбались,
Шулера сходились въ карточные клубы.
И сдвигались,—и сдвигались по командѣ
Облака, какъ неподвижныя драпри,

Черный вечеръ выглядѣлъ сутулымъ
Музыкантомъ въ старомодной разлетаекѣ.
И казалось,—и казалось онъ тоскуетъ
Въ облакахъ своихъ, какъ пьяный въ кабакѣ:
Брякнетъ въ изступленьи о полъ стуломъ,
И быть можетъ, и быть можетъ безъ утайки
Длинноногой тѣни спяну растолкуетъ,
Какъ натягиваютъ струны на смычкѣ.

П. Антокольскій

Виньетки работы Александра Ленскаго